

УДК 140.8

DOI 10.17072/2076-0590-2023-11-51-69

НАСИЛИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ: ПРИРОДА, ФАКТОРЫ, СУЩНОСТЬ

Л.А. Мусаелян

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15
lmusaelyan@yandex.ru

Американизация всех сфер общественной жизни стала определяющим трендом в России с начала 90-х годов прошлого века. Подражание образу жизни американцев, моделям их поведения, ориентация на американские смысложизненные ценности – все это стало своеобразной модой, распространившейся среди немалой части российской молодёжи. Среди таких заимствований оказалась и опасная молодёжная субкультура «Колумбайн» («Скулшутинг»)⁶. После 2014 года число сторонников этого деструктивного движения в России резко возросло. Вооружённые нападения на учебные учреждения страны участились и стали повседневностью. Массовое убийство, совершенное в ПГНИУ 20 сентября 2021 года сторонником названного интернационального молодёжного движения, стал внешним поводом для социально-философского анализа причин участвовавших вооружённых нападений на учебные учреждения страны. Предпринята попытка раскрыть природу такого рода правонарушений и осмыслить факторы, которые им благоприятствуют. Обоснована необходимость квалифицировать вооружённые нападения на учебные учреждения, сопровождаемые массовыми убийствами, как террористический акт.

Ключевые слова: американизация, «Колумбайн», вооружённое нападение на учебные учреждения, самореализация, справедливость, отчуждение, экзистенциальный кризис, мизантропия, терроризм

Событие, которое произошло 20 сентября 2021 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете, буквально потрясло образовательное и студенческое сообщество не только нашего университета, но и всей России. Благодаря СМИ и интернету о трагедии стало известно во всем мире. Автору этих строк в тот же день поступали звонки, в том числе и из-за рубежа, с вопросами о случившемся, о масштабах и причинах трагедии. Парадокс ситуации

© Мусаелян Л.А., 2023

⁶ Запрещена в России как террористическое движение.

состоит в том, что массовое жестокое насилие, как правило, совершенно бессмысленное, вызывает планетарный резонанс, и этот последний выступает в качестве фактора, который провоцирует повторение трагедии. Глобализация человечества произошла прежде всего в виртуальной сфере. Видеоролик стрелка, одетого во все чёрное, с каской на голове и с оружием в руках, устроившего охоту на своих безоружных сверстников, облетел весь мир. Событие потрясло и шокировало общественность не только масштабом трагедии – шесть убитых и более сорока пострадавших, – но и абсурдностью злодеяния. Собственно, зачем? Ради чего? Какие мотивы подвигли убийцу отнимать жизнь у молодых людей, ничего плохого ему не сделавших и даже его не знавших. Отдельный вопрос, требующий специального анализа: почему убийцей оказался несостоявшийся студент юридического факультета? Избранная им специальность предполагает, что по завершению учебы он должен стоять на страже закона и оберегать жизни людей и их мирный труд. Конечно, в роли убийцы мог оказаться студент с любого другого факультета и даже школьник. Это действительно так, но достоянием общественности стал ещё один интересный факт, связанный с расследованием трагических событий 20 сентября в Пермском университете. Другой студент юридического факультета, будучи дома, узнав о случившейся трагедии в его вузе, приехал в университет и дал показания следователям, что он был в числе пострадавших. Через суд он взыскал с родного вуза полмиллиона рублей. Однако более детальное расследование показало, что будущий юрист солгал. Позже он признал свою вину. Мошенника отчислили из университета. Однако не факт, что этот пройдомец не поступит в другой вуз для получения юридического образования. Читатель может задать вопрос, что тут особенного, этот студент – продукт нашего общества, которое вот уже четвертое десятилетие движется по пути капитализма. А при этом общественном строе единственной мерой успеха являются деньги. Алчность более не считается пороком, она перешла в разряд добродетели. У наиболее продвинутых индивидов совесть отринута как пережиток «совка». Но может ли общество (в том числе и капиталистическое) позволить себе, чтобы подобные продвинутые личности стали судьями, прокурорами, следователями и определяли судьбу людей? В нашей стране юридическое образование является работающим каналом вертикальной мобильности, пополняющим властные структуры. А власть – это инструмент, который может быть употреблен как во благо, так и во зло. Количество уголовных дел, возбуждённых в последние годы против лиц с особым правовым статусом, заставляет задуматься над тем, не настала ли пора разработать особые правила приёма абитуриентов в юридические вузы. Конечно, это не решит

проблему попадания во властные структуры мошенников и потенциальных оборотней в погонах, но позволит снизить ее остроту.

К сожалению, трагедия, разыгравшаяся 20 сентября 2021 года в Пермском университете, далеко не единственная. События подобного рода с нарастающей частотой стали происходить в России с 2014 года, когда десятиклассник московской школы, вооружившись винтовкой и карабином, убил учителя географии и взял в заложники одноклассников. В последующем резонансные преступления подобного же типа произошли в 2018 году в Керчи, а в 2021 в Казани. В Керчи в результате нападения студента на свой колледж погиб 21 человек и пострадало еще 67. Казанский стрелок убил 9 человек, число пострадавших – 32. В Серпухове в православной гимназии ученик во время молитвы взорвал бомбу – чудом никто не пострадал. Сам этот факт даёт повод усомниться в том, что клерикализация образования – надежное средство снижения уровня насилия в учебных учреждениях. На необходимости такой клерикализации настаивает руководство РПЦ. Логика священнослужителей проста: религия ничему плохому не учит, следовательно, религиозное воспитание – лучший метод сформировать подрастающее поколение в духе отвращения к насилию. Увы, но эта логика не выдерживает критики. Школа тоже ничему плохому не учит, а трагедии в наших учебных заведениях случаются с пугающей регулярностью. Так, 26 сентября 2022 года в Ижевске в результате нападения на школу бывшего ученика этой школы погибли 17 человек (в том числе 11 детей). Серьёзно пострадали 22 человека (21 из них дети) [1, 2]. Похоже, что насилие и убийства в образовательных учреждениях России стало обыденным явлением, как в США. Ничего подобного и помыслить было невозможно в советские времена, когда церковь была полностью отделена и от государства, а школа – от церкви.

Известный советский и российский философ А. Зиновьев отмечал, что основная трудность в исследовании общественных процессов «состоит не в том, чтобы обнаружить какие-то сенсационные факты, собрать статистические данные или получить доступ к тщательно скрываемым тайнам государственной жизни, а в том, чтобы найти способ понимания повседневности» [3]. Ставшее повседневностью насилие в образовательных учреждениях нашей страны представляет серьёзную угрозу национальной безопасности. Согласно оценкам секретаря Совета безопасности Российской Федерации Н. Патрушева, в последние годы у нас наблюдается устойчивая тенденция возрастания сторонников деструктивных молодёжных субкультур, в том числе и той, к которой принадлежал пермский стрелок. В 2021 году количество адептов этой последней насчитывало более 70 тыс. человек [4]. Учитывая, что с

2014 года случаи нападения на школы в стране участились, трудно освободиться от мысли, что это элемент гибридной войны, которую коллективный Запад ведёт против России [5]. В пользу такого вывода свидетельствует и следующий факт: в соседних государствах, например, на Украине, подобные события не наблюдаются, хотя страна наводнена оружием. Объектом этой войны является население нашей страны, но прежде всего её молодёжь – наиболее креативная часть общества, от которой зависит будущее страны, государства. Цель гибридной войны – десоверенизация и десубъективизация молодежи и как минимум разрушение традиционных духовных ценностей, формирующих мировоззрение молодого поколения, его гражданскую и национальную идентичность. Заметим, что к традиционным ценностям россиян отнесены, согласно официальным документам, жизнь, достоинство, права и свободы человека, милосердие, коллективизм и т.д. [6]. Разрушение национальных духовных ценностей является одним из условий возникновения и распространения в стране насилия в школах.

Насилие в образовательных учреждениях страны является сложным, многофакторным по своим каузальным основаниям феноменом. В аналитике уже предпринимали попытки специалистами различного профиля (психологами, медиками, педагогами, юристами и др.) дать своё объяснение возникшей в молодежной среде опасной тенденции [7]. Если одни видят суть событий в психических проблемах и аномалиях, возникающих у подростков, то другие в доступности оружия и критически низкой организации охраны учебных учреждений. Подобные подходы к изучению проблемы, как отмечают исследователи, «пока не выливаются в общепринятые рекомендации и прогнозы» [7, с. 266]. Но это не является основанием сомневаться в необходимости таких исследований, проводимых разными специалистами, поскольку каждый резонансный случай насилия в учебных заведениях обладает рядом специфических черт. Понятно, что эти особенности должны изучаться психологами, медиками, педагогами, юристами и другими узкими специалистами. Но повторяющиеся в современных обществах акты массового насилия в школах и иных образовательных учреждениях имеют и черты сходства. Поэтому представляется, что для выяснения природы, сущности, факторов, обуславливающих подобные ужасные преступления, нужен социально-философский анализ проблемы.

Попытаемся разобраться в этом феномене молодежной субкультуры. Представляется, что можно выделить как минимум три фактора, детерминирующих такого рода преступления у нас в стране. Это – геополитический, социально-экономический и технологический. Конечно, они взаимосвязаны. И в этом трудность решения проблемы.

Глобализация, принявшая конце XX века форму американизации, способствовала заимствованию российской элитой американских институтов, названий государственных учреждений и зданий, в которых они находились, лексики, словом, стремлению к копированию американского образа жизни. Ускоренный пересмотр социальной, символической и информационной реальности, происходивший в России в 90-х годах прошлого века, был закономерным результатом контрреволюционного переворота, совершенного с помощью агентов влияния США в Советском Союзе. Стремление к подражанию США не было исключительно проявлением американофилии со стороны определенной части обуржуазившейся политической и интеллектуальной советской элиты. Заимствование американского образа жизни в большей степени было обусловлено влиянием извне, ибо тиражирование американской демократии, американского образа жизни в других странах, по признанию З. Бжезинского, давало возможность Америке осуществлять глобальное управление миром. Именно оно и было целью «нового мирового порядка», провозглашенного в начале 90-х президентом Дж. Бушем [8]. Существовали ли у Америки основания для подобных претензий? Несомненно, колоссальные успехи, достигнутые США в конце XX века в экономической, финансовой, военной, научно-технической сферах, позволяли им при помощи инструментов «мягкой силы» создавать привлекательный образ этой страны в мире. К этому ещё необходимо добавить воздействие американской культуры, которое, по мнению того же З. Бжезинского, «несмотря на её некоторую примитивность» не имела себе равных по своей притягательности среди молодёжи всего мира [8]. Из этого следует, что глобализация в её американской форме была не столько экономическим, идеологическим, культурологическим проектом, сколько проектом политическим. Дело не только в том, что преемник Советского Союза лишился суверенитета (известный факт – в 90-е годы кандидатуры на ключевые посты в правительство России согласовывались с Вашингтоном), но и в том, что американизация России была нацелена на разрушение культурного кода страны, элиминацию из общественной жизни сложившихся веками духовно- нравственных ценностей. Нахрапистое внедрение рыночного фундаментализма во все сферы общественной жизни привело к изоляции регионов, к изоляции и деградации их экономической, социальной и культурной жизни, разрушению корпоративных связей, атомизации общества, девальвации коллективизма и сознания ответственности личности перед обществом. Масштабная клерикализация общества вовсе не привела к очищению его духовной атмосферы, как предполагается религиозно мыслящими людьми. Напротив, с крушением социализма и победой контрреволюции в

обществе воцарился дух делячества, прагматизма, ничем не сдерживаемого индивидуализма. Очень быстро в нашей стране сформировался новый тип социального индивида *homo economicus* – человека, ориентированного исключительно на запросы рынка. Чтобы выжить в конкурентной среде, индивид, ориентированный на быстро меняющиеся потребности рынка, вынужден руководствоваться принципом «я такой, какой я вам нужен» [9, с. 361]. Поэтому у рыночно ориентированной личности (в том числе и многих политиков, которые раз в пять или шесть лет участвуют в публичных торгах) нет «самости», внутреннего стержня, чувства идентичности. «Кризис идентичности, – как отмечал Э. Фромм, – этот кризис современного общества – вызван тем фактом, что члены этого общества стали безликими инструментами <...>» [9, с. 368]. Атомизированное общество становится удобным объектом манипулирования, поскольку состоит из индивидов, ориентированных на рынок, на быстрое получение результата. Подобный образ жизни, как правило, формирует у человека манипулятивное сознание. «Разум в смысле понимания, – писал Э. Фромм, – является исключительно особенностью *homo sapiens*; манипулятивный же интеллект как инструмент практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, так как он заставляет людей действовать таким образом, что это с точки зрения разума, может оказаться губительным для них» [9, с. 369–370]. Парадоксальность сформировавшийся в России социальной реальности заключается в том, что неконтролируемый разумом манипулятивный интеллект является исключительно порождением современного общества, до предела рационализированного по канонам рынка. К сказанному следует добавить, что внедрение в ходе реформ западной модели образования, дающей выпускнику бакалавриата усеченные знания, позволяющие ему заниматься преимущественно «рецептурной» деятельностью, фактически ориентировано на формирование того же манипулятивного мышления. В атомизированном обществе («человейнике» по А. Зиновьеву), где деньги выступают высшей ценностью, а человек средством, индивид с манипулятивным интеллектом ради денег легко приносит в жертву себе подобных. Это происходит не только в бизнесе, но и в политике, которая давно на Западе и относительно недавно у нас превратилась в деятельность по деланию денег (Г. Лассуэлл). Для понимания природы и причин анализируемого опасного явления необходимо отметить ещё одну особенность общественной жизни, возникшей в постсоветской России. Атомизация общества, дух индивидуализма и соперничества, охвативший страну, способствовали резкому сокращению радиуса доверия между людьми.

Социологические исследования, проведённые среди школьников, свидетельствуют о том же: молодёжь не считает возможным доверять большинству людей [10, с. 56]. Социальная реальность сформировала тип молодых людей с гипертрофированными представлениями о собственном «я» и критически низком уровне ответственности перед другими, поскольку эти последние не есть «свои». К тому же круг «своих» тоже резко сузился, и те, которые по обыкновению должны считаться «своими» (скажем, члены семьи), нередко оказываются чужими. Доверие является условием и фактором социализации индивидов. Именно поэтому оно представляет «ключевой элемент социального капитала и источник формирования идентичности» [11, с. 126]. Слабо выраженная этническая самоидентификация коррелирует с низким уровнем доверия [11, с. 131]. Это касается как доверия людей друг к другу, так и их доверия к социальным и политическим институтам страны.

Имеет ли отношение рассматриваемые социальные феномены в постсоветской России к насилию в образовательных учреждениях нашей страны? Несомненно! Массовые убийства молодыми людьми своих сверстников в школах и вузах – симптом глубокого отчуждения индивидуальной сущности от родовой, расчеловечивания индивидов. Это отчуждение в предельной форме проявляется в обществе победившего неолиберального капитализма. Далеко не случайно то, что именно в условиях глобального неолиберального капитализма терроризм превратился в глобальную угрозу человечеству, а политика гегемона оказывается не чем иным, как проявлением государственного терроризма. Расчеловечивание человеческой сущности – это необходимое условие для превращения человека в зверя, способного совершить террористический акт. Массовое убийство в образовательных учреждениях есть феномен современного терроризма. В силу расчеловеченной собственной человеческой сущности террорист способен совершить массовое убийство, обрекая чаще всего самого себя на смерть не потому, что он не боится смерти, а потому, что не ценит человеческую жизнь, в том числе собственную. Противоречит ли такое отношение к человеческой жизни, установившейся в постсоветской России иерархии ценностей? Вопрос, кажется, риторический. Но зададимся другим вопросом, что стало высшей ценностью в современной России? Да то же, что давно считается высшей ценностью в демократической Америке. Деньги. «Здесь в Америке, – писали известные немецкие философы М. Хоркхаймер и Т. Адорно, жившие длительное время в США, – не существует никакого различия между самим человеком и его экономической участью. Никто не является чем бы то ни было иным, кроме как своим состоянием, своим доходом, своим положением, своими шансами» [12, с. 259]. На экономическую

ориентированность американцев в оценке человека указывает и Дж. Сорос. Во всех видах деятельности достижения людей измеряются «по количеству денег, которые они приносят, а не по реальным достоинствам» [13, с. 247]. Смыслжизненные ценности американцев стали ценностями американизированного мира. Российские реформаторы являются прилежными учениками своих американских кураторов. Нелишне напомнить читателю, что в начале девяностых первый демократически избранный мэр Москвы Г. Попов обратился к россиянам с лозунгом Н. Бухарина: «Обогащайтесь кто как может!». Он же тогда предложил узаконить взятки чиновникам, чтобы те оперативно решали вопросы граждан. Идея известного экономиста народу не понравилась, чего, похоже, нельзя сказать о некоторых «слугах народа».

В обществе, построенном на принципах рыночного фундаментализма, где всё или почти все продается и покупается, статус человека определяется *успешностью*, а эта последняя определяется величиной капитала или властными полномочиями. В силу политизации капитала и капитализации власти эти разновидности успешных субъектов современного буржуазного общества часто меняются ролями, и иногда одно и то же лицо умудряется пребывать в двух ипостасях. Можно закрыть глаза и даже забыть, каким образом этот человек стал успешным, богатым, влиятельным. Важно то, что он сегодня успешен. Среди россиян в настоящее время немало таких, которые начинали с «нуля» и добились успеха благодаря своим способностям, трудолюбию, воле к достижению поставленной цели. Труд, особенно в сфере материального производства, у нас в обществе до последнего времени не был в почёте. Однако, чтобы быть успешным в бизнесе и в любом другом деле, надо, во-первых, обладать определёнными способностями и, во-вторых, нужно, чтобы в стране существовали возможности для реализации этих способностей. Но если не выполняются эти условия, и особенно второе, если лифты вертикальной социальной мобильности не работают, то у молодёжи возникает разочарование и чувство несправедливости существующих порядков. Различные социологические исследования, проводимые у нас в стране последние десять и более лет, свидетельствуют о том, что в иерархии востребованных обществом ценностей социальная справедливость устойчиво занимает первое место [14]. Для большинства современной российской молодёжи жизнь в справедливом обществе так и остается нереализованной мечтой, что порождает негативное настроение, недовольство, озлобленность, немотивированную агрессию. Существование подобных настроений в обществе нельзя, вероятно, рассматривать в качестве главной причины, вызывающей кровавые преступления. Они, скорее, являются условием формирования мотивов к

совершению общественно опасных деяний. Философский подход к анализу факторов, обуславливающих резонансные убийства в образовательных учреждениях, не может игнорировать социально-экономические обстоятельства, способствующие возникновению мотивов подобных преступлений. О чем идёт речь?

В результате реформ девяностых произошло колоссальное социально-экономическое расслоение российского общества. Бедность и нищета большей части населения стала приметой нашей постсоветской эпохи. «Тучные» на нефтедоллары нулевые годы не улучшили ситуацию в стране. Напротив, пропасть между бедными и богатыми возросла. Так, если по официальной статистике в 2000-м году разница между 10 % самых богатых и 10 % самых бедных составляла 13,9 раза, то в уже в 2014 году этот показатель достиг величины 16,8 раза [15, с. 80]. По неофициальной статистике в 2013 (начало нового кризиса – Л. М) эта разница составляла уже 28–30 раз [15]. Возрастание имущественного неравенства – общемировая тенденция. Но в России в сравнении с другими крупными развитыми странами эта тенденция наиболее выражена. По экспертным оценкам, у нас 10 % населения владеет тремя четвертями всех богатств страны. Только российские миллиардеры (это несколько семей) владеют 30 % всех богатств страны. Вывезенные ими за границу средства равны богатству всего остального населения России [16, с. 9]. В условиях рынка вопиющее имущественное неравенство населения легко конвертируется в социальные, политические, правовые преимущества богатых слоев населения, представляющих её меньшую часть. Это блокирует лифты вертикальной социальной мобильности большей части народа. По данным социологических опросов, две трети населения не считают наше общество справедливым [15, с. 91]. Необходимо отметить, что подобные взгляд на существующую социальную реальность разделяют не только бедные и малоимущие, но и благополучные граждане, которые на практике сталкивались с неравенством перед законом [15, с. 91]. Это, конечно, порождает не только недоверие к политико-правовым институтам государства, но и отчуждение от них.

У российской бедности есть свои особенности, которые усиливают остроту переживания социальной несправедливости. Одной из таких особенностей является наличие в стране хронических бедных, находящихся в этом состоянии пять и более лет [15, с. 91]. Согласно аналитике, почти половина современных российских бедных принадлежат с детства к социальным низам [15, с. 114]. Их собственный жизненный опыт не дает основания видеть возможности у своих детей в перспективе вырваться из состояния бедности. При отсутствии работающих социальных лифтов оптимистические прогнозы для выходцев из

социальных низов не имеют веских оснований. Для понимания особенностей существующей социальной реальности необходимо отметить, что среди российских бедных более половины составляют граждане, которые ещё недавно относились к благополучным [15, с. 114]. Существование среди неимущих «новых бедных» свидетельствует о том, что бедность в России есть постоянно воспроизводящийся феномен, обусловленный отсутствием стабильности и предсказуемости общественной жизни, наличием множества рисков для благополучных граждан оказаться среди неимущих и бедных. Это вполне объяснимо. После того как наша страна интегрировалась в экономическое пространство глобального капитализма, все мировые кризисы, где бы они ни возникали, разрушительным эхом отзывались в России. Кризис на периферии глобального неолиберального капитализма в 1998 году обернулся у нас финансовым банкротством государства. Кризис в ядре мир-экономики через десять лет вызвал глубокое падение экономики и девальвацию рубля. Не успела Россия выйти из этого кризиса, как в 2013 году начался новый кризис, негативные последствия которого усилились санкционной политикой коллективного Запада в 2014 году.

В глобальную экономику интегрированы Германия, Китай, Финляндия, Франция и многие другие страны. Но череда мировых кризисов почему-то не затронула их, а если и сказалась, то без таких негативных последствий, как в России. Из этого напрашивается вывод о том, что нестабильность, непредсказуемость социально-экономической жизни, высокие риски, отсутствие в течение десятилетий достойных условий жизни у половины населения страны есть результат неэффективной политики власти, особенно финансово-экономического блока правительства [17]. Осознание этого факта при практической несменяемости властных элит порождает в обществе морально-психологическую атмосферу безысходности и различные формы социального отчуждения.

Важно отметить, что кризисы влияют на разные слои населения по-разному. Как свидетельствует аналитика, в России и в других странах во время кризиса богатые (особенно самые богатые) богатеют, в то время как люди среднего достатка и бедные чаще всего беднеют [18, 19]. Иначе говоря, процессы социальной мобильности у бедных и богатых россиян имеют противоположных характер. Словом, кризисы углубляют пропасть между бедными и богатыми, повышая степень царящей в обществе несправедливости.

При анализе социально-экономической ситуации в нашей стране нельзя не обратить внимание на то, что половина бедных в России – это люди, имеющие работу [20]. Учитывая, что в среднем пенсия россиян

выше прожиточного минимума, пенсионеров по официальной статистике не относят к бедным. Для многих работающих (особенно в социальной сфере), борьба за выживание является тяжелой повседневностью. Ситуация усугубляется, если в семье есть дети. Как отмечают исследователи, основная часть российских бедных – это семья с детьми. Классическая бедная семья – это неполная семья с невысоким доходом, в которой несколько детей [21]. Тяжелая повседневность в таких семьях сказывается на смысложизненных установках и ценностных ориентациях как детей, так и взрослых. Для многих становится очевидным, что честный и упорный труд не гарантирует безбедного существования. Поэтому, прежде всего у работающих бедных гаснет мотивация к труду как к возможности достичь успехов в жизни. Труд есть базовая сущностная сила человека. Он является не только способом его существования, но и формой самовыражения и саморазвития как родового социального существа. Снижение и (тем более исчезновение) мотивации к труду означает расчеловечивание человеческой сущности социальных индивидов.

Для объяснения причин возникновения насилия в школах и вузах нашей страны необходимо также учитывать социально-психологическую атмосферу в обществе, сложившуюся в последние десятилетия. Нестабильность, вызванная сменяющимися в течение трёх десятилетий глубокими кризисами, породили у большей части населения России состояние тревоги, неопределённости, неуверенности в будущем. Несменяемость политической элиты и неизменность её социально-экономической политики не давала основания для исторического оптимизма всем, но особенно небогатым слоям населения. Для большей части работающего населения заработная плата является основным, а для некоторых слоев неимущих единственным источником дохода. Поэтому в условиях неопределённости перспектив, реальная возможность потери работы порождает тревоги и страхи не только у небогатой части населения. Опасения потери работы, согласно социологическим исследованиям, испытывает 42 % бедных и 32 % людей, не относящихся к категории бедных [15, с. 112]. Если же у работающих есть дети, эти страхи приобретают иррациональный, трудно контролируемый характер, порождая пессимизм, депрессию, резко негативное отношение к окружающей социальной реальности. Понятно, что подобная психологическая атмосфера в семье формирует определённое мировосприятие у детей.

Как отмечается в аналитике, в последние годы отношение россиян к бедным слоям населения заметно изменилось. Если раньше, ещё в конце девяностых, к бедным в обществе относились сочувственно, рассматривая

их как жертв объективных обстоятельств (реформ), в настоящее время к ним относятся в лучшем случае безразлично или же усматривают причину их бедности (неуспешности – Л.М.) в личных качествах самих бедных (асоциальное поведение, пьянство, нежелание активно трудиться). Бедные, как отмечает М. Горшков, заслуживающие особого общественного внимания и отношения, все больше уходят для общества из актуальной повестки дня [15, с. 105]. Ощущая такое отношение к себе, они начинают стыдиться своего материального положения. Согласно опросам, 78 % российских граждан не признают своей бедности, хотя фактически относятся именно к бедным [20]. По другим данным, четыре пятых российских бедных не признают, что находится у «черты» и тем более за «чертой бедности» [15, с. 107]. Очевидно, что бедные слои населения пытаются скрыть свое плохое материальное положение, закрывают глаза на то, что они отличаются от успешных граждан страны. Отсюда парадоксальное, на первый взгляд, явление, подмеченное социологами в аналитике: стремление бедных и нищих слоев населения к «престижному потреблению» в ущерб более значимым для социального роста потребностям. Этот феномен тоже вполне объясним. В обществе постмодерна потребление стало формой идентификации своего статуса в иерархической социальной структуре общества [22, с. 352]. Машина или модный дорогой телефон – это не просто средства передвижения и коммуникации, а материальные символы успешности человека. Бедные берут кредиты и покупают товары длительного пользования, стоимость и обслуживание которых не соответствует их доходам. Непогашенные в свое время кредиты гасятся за счёт новых кредитов. Долги российских граждан перед банками на 1 мая 2023 г. перевалили за 30 триллионов рублей [23]. «Престижное потребление» загоняет бедных и нищих граждан в долговую кабалу, усиливая их психологический дискомфорт, порождая чувство безысходности, недовольство, разочарование в смысле жизни, что, конечно, сказывается на умонастроении и поведении детей. Несомненно, было бы упрощением считать, что сложные социально-экономические проблемы, с которыми сталкиваются миллионы российских семей, являются исключительным фактором, которые толкают выходцев из этих семей на массовое убийство своих сверстников. Факт состоит в том, что среди молодых людей, совершивших вооруженные нападения на учебные учреждения, нет представителей богатых слоев общества, как, впрочем, и социального дна. Этот факт вполне объясним. Для совершения массового убийства необходимо огнестрельное оружие, боеприпасы. Кроме того, нужно иметь домашний компьютер, который позволяет месяцами находиться в виртуальном пространстве и постепенно дозревать до состояния,

позволяющего принимать такое решение. У людей, живущих на уровне социального дна, материальная возможность совершения такого рода преступлений отсутствует. У богатых слоев общества нет мотива, который мог бы их толкнуть на такое нарушение закона.

Ускоряющий ритм жизни и осознание невозможности в существующих условиях самореализоваться, стать успешным, значимым в соответствии с господствующими в обществе смысложизненными ценностями и идеалами, порождает у молодёжи экзистенциальный вакуум, фрустрацией которого является скука, апатия [24, с. 308–309]. Заметим, что именно такой экзистенциальный кризис испытывал Чарлз Даккер, герой романа Стивена Кинга «Ярость», который совершает вооруженное нападение на школу. Этот литературный образ преступника был реализован в действительности Эриком Харрисом и Дилоном Клиболдом, учениками школы «Колумбайн» штата Колорадо, которые убили 13 и ранили более 20 человек, а затем застрелились сами. Затем благодаря многочисленным последователям подобного рода преступлений в США формируется молодёжная субкультура «Колумбайн», получивший распространение и в России. Рискуем предположить, что для всех последователей этой молодёжной субкультуры (за исключением тех, у кого были психические отклонения) характерны переживания глубокого экзистенциального кризиса. В поисках выхода из него одни склоняются к употреблению алкоголя и наркотиков, другие находят выход в самоизоляции и ретризме (эскапизме).

Ретризм как форма ухода из существующей социальной реальности, как модель параллельного существования есть признание чужеродности существующего общества, невозможности в нём находиться, позитивно воспринимать нормы и принципы его жизнедеятельности. Как известно, подобный феномен впервые возник в семидесятых годах прошлого века в Японии и получил название «Хикикомори». Чрезвычайно высокие требования общества и семьи к индивиду с самого раннего возраста вызывают у некоторых молодых людей отторжение существующих социальных норм и порождают стремление к самоизоляции от окружающей реальности. Хикикомори изолируются от общества в своих квартирах, проводя время за чтением книг, просмотром сериалов и компьютерными играми. Пищу своим великовозрастным чадам приносят пожилые родители, оставляя, как правило, средства пропитания у дверей. Достаточно высокий уровень жизни в Японии и ментальность японского общества трансформируют неприятие молодыми людьми существующей социальной реальности в подобную форму протеста, пассивную и по существу безобидную. Не таковы социальная реальность и культура в США и в России. Наиболее распространённой формой ретризма у молодых людей в нашей стране является уход в виртуальную реальность, которая

обеспечивает параллельное существование. Ретризм фактически есть выражение отчуждения личности от общества. Подобное отчуждение есть разновидность отчуждения между индивидуальной и родовой сущностью человека. Как представляется, возникновение такого отчуждения является фактором и необходимым условием принятия в последующем рокового решения. Очевидно, что не всякое отчуждение порождает убийство себе подобных. Однако без отчуждения индивидуальной сущности от родовой (фактически расчеловечивания человеческой сущности) невозможен террористический акт, каким, является массовое убийство в учебных учреждениях. Но чтобы молодой человек «созрел» для подобного тяжкого преступления, ему необходимо пройти процесс окончательного расчеловечивания человеческой сущности. Это происходит в виртуальном пространстве, где большую часть своего времени проводит человек, решивший изолироваться от общества.

Для начала рассмотрим, как воздействует цифровая реальность на обычных школьников, для которых социальные сети – привычная среда обитания. Как свидетельствуют социологические исследования, в настоящее время школа, вопреки ожиданиям, не является ведущим агентом социализации учащихся: семьдесят один процент информации учащиеся одиннадцатого класса черпают из социальных сетей [10, с. 55]. Современное постмодернистское общество, как уже отмечалось, это общество «постправды», где часто ложь выдаётся за правду, зло за добро. Эта особенность современной цивилизации явно выражена в виртуальном пространстве. В результате, согласно некоторым исследованиям, шестьдесят девять процентов опрошенных учеников одиннадцатого класса и шестьдесят один процент пятиклассников убеждены, что доверять большинству людей у нас нельзя или скорее нельзя [10, с. 56]. Заметим, что доверие – важнейшая социальная ценность [11, 25], которая по мере своего формирования у древних людей обеспечивала им конкурентные преимущества в борьбе за существование в живой природе [26]. На вопрос, кто для тебя чужие, девятнадцать процентов учеников одиннадцатого класса назвали «тех, кто считает, что в России сейчас всё хорошо», а затем «чужие страны», «европейцы», «политические деятели», «олигархи» [10, с. 57]. Из опросов следует, что пятьдесят четыре процента пятиклассников и шестьдесят девять процентов одиннадцатиклассников предпочли бы жить в зарубежных странах: США, Японии, Швейцарии и т.д. [10, с. 58]. Понятно, что подобные воззрения школьников возникли не столько из-за критического осмысления существующей социальной реальности, сколько под влиянием социальных сетей, где активно действуют ловцы неокрепших душ. Здесь речь идёт о влиянии цифровой реальности на молодых людей, которые не испытывают экзистенциального кризиса и не ушли в ретризм.

Что же говорить о последствиях влияния социальных сетей на тех, кто находится в самоизоляции от общества? Тех, для кого виртуальная реальность является местом их постоянного пребывания? Исследований о негативном влиянии цифровой реальности на психику, сознание и, в целом, на интеллект человека в аналитике предостаточно [27, 28, 29, 30 и др.]. Между тем пятьдесят процентов респондентов, предпочитающих социальную изоляцию, считают социальные сети безопасным ресурсом коммуникации [30, с. 34]. Это и понятно, молодой человек удовлетворяет свою потребность в общении и самореализации, сидя у себя дома за компьютером в комфортной, предсказуемой и, как ему кажется, безопасной среде. Не испытывая давления со стороны общества, он посещает группы с деструктивным контентом, пропагандирующим насилие, порнографию, суицид, экстремизм и так далее. Опросы свидетельствуют, что сорок три процента респондентов, просматривающих такие материалы, испытывают чувство радости и удовольствия [30, с. 35]. Это означает, что просмотр подобного контента повторится не раз. В результате, как отмечается в аналитике, меняется психика и сознание человека. Для молодого человека, находящегося в состоянии экзистенциального кризиса, понимание невозможности самореализации в обществе мотивирует его на поиск в цифровой реальности альтернативных способов самоутверждения, практикуемых молодыми людьми в других странах. Понимание того, что способы самоутверждения, доказательства своей значимости, рекомендуемые деструктивными группами в социальных сетях, противоречат традиционным и духовно-нравственным ценностям его родной страны, не является для молодого человека сдерживающим фактором. Причина принятия рискованного решения: негативный опыт социализации, отчужденность от общества, слабая эмоциональная связь со страной. Все расследования вооружённого нападения на учебные заведения, произошедшие в последние годы у нас в стране, показали, что преступники были поклонниками и последователями движения «Колумбайн». Они даже в одежде подражали тем американским школьникам, которые совершили массовое убийство в своей школе «Колумбайн» 20 апреля 1999 года, положив начало этому движению.

В начале февраля 2022 года решением Верховного суда РФ это движение было признано террористическим и запрещено в нашей стране. Как уже отмечалось, с 2014 года коллективный Запад развернул гибридную войну против России. Важным её компонентом является информационно-психологическая агрессия, направленная, прежде всего, против российской молодёжи. Отсюда и объяснимая активизация в социальных сетях деструктивных групп, нацеленных на вербовку молодых людей из нашей страны для совершения массовых убийств в

учебных учреждениях. По данным Роскомнадзора, до февраля 2022 г. ежегодно в социальных сетях фиксировалось появление около трехсот сторонников движения «Колумбайн» [31]. В последние годы особую активность по вербовке российской молодёжи в деструктивные группы проявляют спецслужбы Украины. Там же появилась новое деструктивное молодёжное движение «Маньяки. Культ убийц», также признанное в России террористическим. По данным ФСБ, с февраля 2022 г. по апрель 2023 г. в России предотвращено сто восемнадцать преступлений террористической направленности, исполнителями которых были стать подростки и молодые люди [32].

И последнее. Как квалифицировать преступление того типа, которое было совершено в Пермском университете 20 сентября 2021 года? Поскольку движение «Колумбайн» признано Верховным судом РФ террористическим, постольку логичным является вывод, что его следует квалифицировать как террористический акт. Терроризм относится к числу так называемых «конвенционных» преступлений и рассматривается международным правовым сообществом как общественно опасное деяние. Директор ФСБ А. Бортников в одном из своих публичных выступлений также признал, что движение «Колумбайн» представляет угрозу национальной безопасности страны, разрушает духовно-нравственные ценности российского общества [33]. Почему же при расследовании насилия в учебных учреждениях юристы не квалифицируют подобные преступления как террористические? По нашему мнению, существуют две причины, из-за которых подобные преступления квалифицируются не по статье 205 УК РФ (терроризм), а по статье 105 (п. 2) убийство. Причина первая. Среди правоведов не существуют единого подхода к определению терроризма [34]. Это отсутствие единства в трактовке довольно очевидных вещей – прямой результат идеологической ангажированности юридической науки. Особенно наглядно та ангажированность проявляется в двойных стандартах, присущих многим западным странам при оценке явлений общественной жизни. Так, действия палестинской организации «Хамас» в секторе Газа оцениваются этими странами как безусловно террористические, а действия «Цахал» (израильской армии) как юридически безупречные.

Жанр статьи не дает нам возможности вдаваться в дискуссию по данной проблеме, заметим лишь, что терроризм имеет длительную историю. В различные эпохи менялись его формы, субъекты и объекты террора, идеология и мотивы и т.п. В эпоху глобализации и предельной атомизации общества оно чаще всего сталкивается с терроризмом, идеологически мотивированным религиозным экстремизмом и национализмом. И то, и другое – прямое порождение сформировавшегося глобального неолиберального капитализма. Национализм и его крайнее выражение

шовинизм есть проявление этнического эгоизма, в основе которого – отчуждение индивидуальной человеческой сущности (проявляющейся в форме особенного) от родовой. Насилие в учебных заведениях имеет, как было показано, такую же природу – отчуждение индивидуальной сущности от родовой. Оно как социальный феномен – следствие предельной атомизации общества, порождающей человека с мироощущением мизантропа, находящегося в состоянии экзистенциального кризиса.

Другая причина – чисто юридическая. Предельно строгое наказание за совершенный террористический акт – лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет. В перечне деяний, подпадающих под терроризм (ст.205), в УК РФ отсутствует убийство. Предельно строгое наказание за убийство (ст.105 п. 2) УК РФ – смертная казнь или пожизненное лишение свободы. Но в реальной жизни террористические акты, как правило, сопровождаются преднамеренным убийством множества людей. Из этого, на наш взгляд, следует, что ст.205 УК РФ должна быть откорректирована. Соответственно планка наказания за преступления по этой статье должна быть повышена – до пожизненного лишения свободы. В дополнение можно заметить, что современный УК не вполне реалистично оценивает общественный вред терроризма. Практика показала, что террористические акты в учебных заведениях сеют страх, панику, создают неуверенность, порождают психические расстройства и не только у пострадавших или свидетелей преступления. По своим социальным последствиям это общественно опасное преступление, в отличие от убийства, даже если не погиб ни один человек. Преступление, подобное тому, что было совершено в нашем университете 20 сентября 2021 года, должно квалифицироваться как терроризм, как особо тяжкое преступление, создающее угрозу национальной безопасности.

Список литературы

1. Год после расстрела казанской школы: Галявиева оправдывают, учителя увольняются. URL: <https://www.mk.ru/incident/2022/05/10/god-posle-rasstrelya-kazanskoy-shkoly-galyavieva-opravdyvayut-uchitelya-uvolnyayutsya.html> (дата обращения 07.09.2022)
2. «Мам, мне страшно, нас расстреливают». URL: <https://lenta.ru/articles/2022/09/27/izhschool/> (дата обращения 23.12.2022)
3. *Зиновьев А.* Зияющие высоты. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/133475-aleksandr-zinovev-ziyayushchie-vysoty.html> (дата обращения 23.12.2022)
4. *Егоров Иван.* Игры закончились // Российская газета. 20 января 2022 г.
5. *Егоров Иван.* Диверсанты молодеют // Российская газета. 12 апреля 2023 г.
6. Указ Президента Российской Федерации Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809
7. *Узлов Н.Д., Оконская Н.К., Внутских А.Ю.* Скулшутинг: социально философский аспект проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 2, 2022. С. 264–276.

8. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска (Государство Америка и его геополитические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 112 с.
9. *Фромм Э.* Иметь или быть? // Э. Фромм. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. 449 с.
10. *Зайко Я.В., Зорин В.А., Луканина Е.В.* Школа как агент политической социализации в современной России // Социум и власть. 2022. №2 (92). С. 53-63.
11. *Федотова В.А.* Доверие к власти и политическая активность российской молодежи: роль этнической самоидентификации // Общественные науки и современность. 2022. №2. С. 14–25.
12. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.: СПб.: 1997. 312 с.
13. *Сорос Дж.* Открытое общество (реформируя глобальный капитализм). М.: 2001. 460 с.
14. *Четверикова А.* Макарошки по-русски // Российская газета. 27 декабря 2018.
15. *Горшков Михаил* «Есть такая профессия – общество изучать». Избранное. Статьи, интервью, биографические откровения. М.: Изд-во: Весь мир, 2020. 463 с.
16. *Выжutowич В.* Надо ли бороться с неравенством? Российская газета. 30 янв. 2019.
17. *Кричевский И.* «План Путина» провалил Центробанк. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/492283/> (дата обращения 13 апреля 2023)
18. *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 162 с.
19. *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // Социальные процессы в современной России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/masshtaby-i-dinamika-sotsialno-ekonomicheskogo-neravenstva-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения 18.09.2021)
20. *Выжutowич Валерий* Выйти из бедности. Тема с экономистом Николаем Кульбакой // Российская газета 25 марта 2023 г.
21. *Выжutowич Валерий* Нам мало платят? Тема с экономистом Алексеем Зубком // Российская газета неделя 5 июля 2023 г.
22. *Бодрияр Ж.* К критике политэкономии знака М.: Библион-Русская книга, 2003. 352 с.
23. *Башлыкова Н., Алмакунова Р.* Долга дорога: обязательства россиян перед банками превысили 30 трлн рублей. URL: <https://iz.ru/1536846/natalia-bashlykova-roza-almakunova/olga-doroga-obiazatelstva-rossian-pered-bankami-prevysili-30-trln-rublei> (дата обращения 22.10.2023)
24. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
25. *Аузан Александр.* Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 160 с.
26. *Харари Ю.Н.* Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синбад, 2018, Ч. 1. 512 с.
27. *Буданов В.Г.* Новый цифровой жизненный техноклад – перспективы и риски трансформаций антропосферы // Философские науки. 2016. № 6. С. 47-55.
28. *Гиренок Ф.И.* Человек – это не цифра // Завтра.ру (2018, 23 июня). URL: https://zavtra.ru/blogs/uroki_digital_noj_filosofii (дата обращения 22.07.2023)
29. *Гобозов И.А.* Цифровизация общества и деинтеллектуализация человека // Философия и общество. 2021. № 3. С. 35-54
30. *Кувшинова А.А., Савченко И.А.* К вопросу о негативном влиянии цифровой коммуникации на сознание индивидов // Философия и общество. 2022. № 2. С. 26–37
31. *Козлова Н.* Поклонникам насилия – вход закрыт // Российская газета. 3 февраля 2022 г.
32. *Егоров И.* Диверсанты молодеют // Российская газета. 12 апреля 2023 г.
33. *Егоров И.* Движение «Колумбайн» могут обвинить в терроризме // Российская газета. 20 янв. 2022 г.
34. *Полный курс уголовного права в 5 томах* (под ред. Коробеева А.И.). Т 4. Преступление против общественной безопасности. СПб.: Изд-во Асланова «Юрид. Центр» Пресс, 2008. 674 с.

VIOLENCE IN MODERN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF RUSSIA: NATURE, FACTORS, ESSENCE

Leva A. Musaelyan

Perm State University

15, Bukireva St., Perm, 614068, Russia

Americanization of all spheres of public life has become a defining trend in Russia since the early 90s of the last century. Imitation of the lifestyle, life values, and behavioral patterns of Americans has become a kind of fashion for a considerable part of Russian youth. Among the dangerous borrowings was the youth subculture “Columbine” (“Schoolshooting”). After 2014, the number of supporters of this destructive movement in Russia has increased dramatically. Armed attacks on educational institutions of the country have become more frequent and have become a daily occurrence. The mass murder committed in PSU on September 20, 2021 by a supporter of the named international youth movement gave the author of this article a reason to undertake a socio-philosophical analysis of the causes of the increased armed attacks on educational institutions of the country. The article reveals the basis, factors and essence of such a particularly serious and socially dangerous type of crime. The necessity to qualify armed attacks on educational institutions accompanied by mass murder as a terrorist act is substantiated.

Keywords: Americanization, Columbine, armed attack on educational institutions, self-realization, justice, alienation, existential crisis, misanthrope, terrorism.